

Николай Бакурский

Советская Новая Земля 69

Воспоминания

Николай Бакурский

**Советская Новая
Земля 69. Воспоминания**

«Издательские решения»

Бакурский Н.

Советская Новая Земля 69. Воспоминания / Н. Бакурский —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-986008-8

Воспоминания о природе края и отдельных эпизодах службы, быта и отдыха офицеров ВМФ в конце 60-х годов на Новоземельском ядерном полигоне, а также кое-что о подготовке к испытанию и о самом испытании. Книга предназначена для всех, кто желает узнать или вспомнить о жизни и службе испытателей на Новой Земле в советское время.

ISBN 978-5-44-986008-8

© Бакурский Н.
© Издательские решения

Содержание

ИЗ АРХАНГЕЛЬСКА К НОВОЙ ЗЕМЛЕ	6
БЕЛУШЬЯ ГУБА	9
НАУЧНО-ИСПЫТАТЕЛЬНАЯ ЧАСТЬ	12
Радиоэлектронная лаборатория	18
ЗОНА	21
Деревянное сооружение	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Советская Новая Земля 69 Воспоминания

Николай Бакурский

© Николай Бакурский, 2020

ISBN 978-5-4498-6008-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ИЗ АРХАНГЕЛЬСКА К НОВОЙ ЗЕМЛЕ

Теплоход «Буковина»* утром отошёл от причала Архангельского морского порта. Наша каюта была в третьем классе с круглыми иллюминаторами, расположенными вдоль борта, существенно наклонённого сверху вниз, что было свидетельством нашего нахождения ближе к донной части судна. Третий класс – это минимизация затрат государства на перевозку военнослужащих. Стоя на полу в каюте, вы не имели возможности видеть, что творится за бортом судна. Однако в иллюминатор при желании можно было заглянуть, если навалиться телом на борт, встать ногами на идущие вдоль борта трубы и слегка подтянуться, ухватившись за обод иллюминатора. Отвинтив барашки на рычажках, можно было откинуть вверх стеклянное окошко иллюминатора и наблюдать бегущие прочь от корпуса судна волны. При этом был виден уходящий высоко вверх стальной, крашенный голубовато-белой краской, борт. За бортом плыло спокойное Белое море. В каюте были двухъярусные койки, стол, раковина умывальника. Койки закрывались от помещения занавесками, которые могли быть сдвинуты, при желании, либо к ногам, либо к голове. В каюте было достаточно тепло, потому форма одежды была летняя – майка и тренировочные брюки. В каюте было четыре пассажира: двое нас – лейтенантов, а также майор-лётчик и морской офицер – капитан 3го ранга. Моряк был человек общительный. Он, как оказалось, длительное время служил на подводной лодке. Лётчик не был из морской авиации – он был одет в зелёную форму. Наша форма была гражданская: чёрные брюки и ботинки, пиджаки, рубашки – всё, кроме брюк и ботинок, не по уставу. В Архангельске мы закупили по несколько пачек галет. Галеты были из обжаренного сухого с воздушными пузырьками теста, видимо из ржаной муки, но вкус вполне приятный. Ими мы и подкрепились, запивая водой из крана в каюте. Капитан 3 ранга отправился в буфет, где, видимо, употребил что-то спиртное, так как по его возвращению специфичный запах появился в каюте. Так как делать было нечего, то мы улеглись в кровати и задремали. Не помню, как долго мы дремали, но наступил момент, когда к горлу начали подкатывать неприятные комки и желудок пожелал показать то, что было съедено ранее. Нас, то с некоторым ускорением толкало вверх, то стремительно бросало в свободном падении вниз. Наконец наступил момент, когда потребовалось прибегнуть к услугам умывальной раковины.

Желудок выбросил в неё только неприятную жидкость. После этого полегчало. Взобраться на верхнюю койку не составляло труда: достаточно было уцепиться за её деревянный бортик и подождать момент, когда она сама начинала приседать к тебе. Капитан 3го ранга пояснил, что мы вышли в Баренцево море и, видимо, начинается шторм потому и стало покачивать, а так как мы находимся близко к носовой части судна, то нас будет качать посильнее, чем в корме. Судно, мол, идёт хорошо, и качка продольная, так что бояться нечего. Прокомментировав причину качки, он добавил:

– Не хотите покушать? Нет? А у меня что-то аппетит разыгрался. Пойду в ресторан, – и вышел.

Когда он раскрыл дверь каюты, мы заметили в коридоре молодую стюардессу и двух солдат, которые беседовали и веселились. Стало ясно, что все по-разному переносят качку: кто-то испытывает голод, кто-то ничего не ощущает, а кому-то и в голову не приходит думать о еде. Чтобы занять как-то время лёжки, я начал подсчитывать период колебаний судна. Считал отдельно время восхождения на гребень волны и отдельно время падения с гребня. Насчитал десять секунд вверх и десять секунд вниз, и при подъёме вверх перекинул ногу за бортик кровати, чтобы добраться к раковине умывальника. Пол каюты сам подставился под ноги моего тела, после чего я скинулся с кровати. Только пристроился к раковине, как меня оттолкнул лётчик. Пожалев о съеденном, он одобритительно высказался о морях, которые способны переносить такую болтанку.

В каюте было жарко и душно. Чтобы облегчить своё состояние, я добрался до иллюминатора, открыл люк, зацепил петлю на крышке за крюк сверху, и почти по пояс высунулся наружу. Сразу стало легче, будто и не было, и нет никакой качки. Чистая синевато-зеленоватая вода была далеко внизу. Осмотрелся. Теплоход находился как бы внутри водяного цилиндра чистого сине-зелёного снизу и светло-голубого в верхней части. Наверху волна, видимо, перехлёстывала палубу, так как неба не было видно: и сверху, и сбоку, и снизу – кругом была только вода. Недолго пришлось наслаждаться приятной морской атмосферой и видом волн, вдохнуть полной грудью морской воздух: сзади раздался женский голос:

– Вы что, решили утопить теплоход?! Быстро закройте иллюминатор. В шторм его открывать не положено!

Это стюардесса. Видимо такие случаи нарушений на её опыте были неоднократно, и она по слуху определила, в какой каюте открыт иллюминатор. Пришлось опять залечь в «качели» и ожидать очереди у раковины, хотя желудок уже давно был пуст.

По моему мнению, вода захлестнуть в иллюминатор не могла принципиально: от борта до воды было, по крайней мере, метров десять, что сбоку, что сверху, что снизу. Но судовая инструкция проверена годами и с ней не поспоришь.

Тридцать шесть часов длилась качка. Как выяснилось на берегу – это был девятибалльный шторм. Бывалые люди потом разъяснили, что обычно в такой шторм капитан судна заводит его в какую-либо бухту и пережидает непогоду, а этот почему-то решил идти морем. Может его поджимали сроки: в ожидании было бы потеряно около полутора суток. Для нас причины, побудившие капитана идти в шторм, остались тайной

По моим прикидкам, носовая часть судна имеет высоту над ватерлинией около 10 метров. Выглядывая в иллюминатор, я хорошо видел край фальшборта судна и видел волну над судном. Это дает мне возможность сделать вывод, что шторм был явно более 9 баллов, но это не стали афишировать. Видимо, капитан судна нарушал какие-то положения пассажирского судоходства.

Наконец вошли в бухту Белушья Губа. Качка прекратилась, и самочувствие стало отличным. На причал мы сошли бодрыми и здоровыми. Теплоход встречало много людей, одетых в телогрейки (на местном жаргоне – спецпошивы), хотя, на наш взгляд, было достаточно тепло. Мы были в обычных пиджаках, даже без свитеров, и нам не казалось холодно (на следующий год мы уже так не думали).

На берегу были видны здания, преимущественно двухэтажные. Наиболее близко к причалу было достаточно большое здание, окрашенное в охряный цвет. Это здание было гарнизонным штабом. Вдали было видно пятиэтажное здание серо-синего цвета и несколько двухэтажных зданий, окрашенных в цвет охры. Подробно осмотреться времени не было, так как к нам подошли люди в погонах для проверки наших документов.

*) Теплоход Буковина. Его родственник – теплоход «Татария». Каждый из теплоходов в разное время арендовался ВМФ в качестве гостиницы для проживания сотрудников МСМ и офицеров Новоземельского полигона. Порт приписки – Архангельск. Длина судна —101.5 метра, ширина —14.5 метра, осадка -3.8 метра, два дизеля «Шкода» общей мощностью 4000 лошадиных сил, два винта, средняя скорость – 14.5 узла, экипаж 76 человек, пассажиров до 250. На теплоходе шесть ялов для спасения пассажиров. Судно это круизное, то есть, для развлечения туристов. Так вот, иногда местные корабли встречали его в море. В хорошую погоду, говорят, капитан развлекался, устраивая для пассажиров аврал, и высаживал их в ялы для тренировки. Ялы, мол, оснащены педальным приводом (на случай отказа двигателя) и, чтобы

пассажиры запомнили круиз, их спускали в ялы и заставляли какое-то время давить на педали, кружа вокруг судна. Ну, это, конечно, только в круизах, а не в спецрейсах, типа нашего.

БЕЛУШЬЯ ГУБА

Посёлок на берегу носил название «Белушья Губа». Здесь располагались воинские подразделения, обеспечивающие проведение испытаний, противовоздушную оборону, связь и жизнеобеспечение военнослужащих и их семей. На пирсе мы предъявили командировочные удостоверения встречающему офицеру, и нас проводили в штаб.

Перед тем как войти в здание, сопровождающий нас поставил ногу на край чана с водой и какой-то шваброй смыл грязь с подошв своих ботинок. Мы проделали то же, а затем вошли в здание.

Здесь у нас подробно проверили документы, указали номер части 77510Д, в которой мы будем нести службу, проинструктировали о режиме и попросили расписаться в нескольких бумагах. Начальник отдела кадров в звании капитана 3го ранга напутствовал нас:

– Вы оказались на Новой Земле благодаря мне. Это я отобрал ваши личные дела. Надеюсь, служба здесь вам понравится. Кстати, здесь год службы приравнивается к двум годам службы на Большой Земле.

– А по какой специальности мы будем служить? – наш вопрос.

– Служить вы будете по гражданской специальности, какую получили в институте, то есть, здесь нужны ваши знания по автоматике и телемеханике.

Затем нас осведомили, что нас обмундируют не сразу, а будут шить форменную одежду в местном ателье. После этого сообщили, что начальник гарнизона (в/ч 77510) вице-адмирал Збрицкий Евгений Павлович. Командир НИЧ (в/ч 77510Д) капитан 1 ранга Цаллагов Пантелей Константинович. В завершение дали провожатого, который должен нас отвести в гостиницу и в КЭЧ, где нам нужно получить спецпошивы, плащи, ботинки, фуражки и всю фурнитуру, перчатки, что позволит нам выглядеть вполне по уставу. Провожатый сказал, что сначала мы зайдем в гостиницу, где оставим свой багаж, а затем пойдём в КЭЧ. Вышли из штаба и по дамбе через озеро пошли в гостиницу-общежитие офицеров холостяков.

Гостиница представляла собой двухэтажное каменное здание, окрашенное какой-то оранжево-жёлтой краской. У двери снаружи, так же как у входа в штаб, стояла ёмкость с водой. Ёмкость – это обрезанная на две трети сверху стальная столитровая бочка. В ней плавала швабра, состоящая из деревянного черенка с прикрученной к нему с одной стороны резиновой мочалкой, состоящей из множества тонких резиновых жил длиной сантиметров двадцать пять. Как я помнил, такие нити в детстве мы использовали для привода винтов резиномоторных моделей самолётов. Впоследствии выяснилось, что такие швабры состояли из резиновых жгутов, помещённых в нитяной чулок. Чтобы сделать швабру, нити чулка разрезали вдоль жгута. Целевое назначение таких жгутов – это использование в качестве амортизаторов для подвески электронной аппаратуры в сооружениях. Такой распушённый резиновый жгут, скорее, несколько жгутов, прикрученных к деревянной ручке, и образовывали швабру.

Сопровождающий взял в руки черенок этой швабры, поставил ногу на край обрезанной бочки и стал обмывать подошвы своих сапог водой из бочки. По его примеру мы также обмыли подошвы своих ботинок. Как пояснил сопровождающий, такой порядок был введён ещё во время проведения воздушных испытаний и сохранился до этих дней, хотя радиоактивного загрязнения не наблюдается.

Вновь прибывших молодых офицеров распределили по комнатам. Меня поселили в двухкомнатном номере на первом этаже (как войдёшь в коридор – сразу дверь слева). Первая комната – проходная. Из этой комнаты направо – дверь во вторую комнату. В неё-то и поселили меня. Эта комната была с двумя кроватями, с большим столом и стульями. Мне указали кровать слева. Окно выходило на улицу с дорогой, идущей вдоль всего посёлка. В этой комнате уже проживал лейтенант Алексей К., выпускник Вольского училища тыла.

Распределив нас, вновь прибывших, по комнатам в гостинице, провожатый объявил, что мы пойдем в КЭЧ. На складе мичман-сверхсрочник выдал нам чёрные спецпошивы (ватные телогрейки с воротником из искусственного меха), чёрные прорезиненные плащи (видимо залежались на складе, так как по новому положению уже предусматривались плащи из ткани «болонья»), ботинки, нательные рубахи с пристёгивающимися воротниками (это чтобы не подшивать подворотнички – офицеры сказали, что эта рубаха не используется уже с послевоенных времен, но её можно использовать как ткань для подворотничков), коричневые шерстяные перчатки, белую ткань для подворотничков, погоны с одной чёрной полосой, маленькие золотистые звёздочки, молоточки, как признак инженеров, чёрные фуражки и белые чехлы на них, серебряные военно-морские кокарды-крабы. Наши чёрные брюки соответствовали форме ВМФ, и мы могли некоторое время, не нарушая устава, носить эту смешанную гражданско-военноморскую одежду. Полное обмундирование процедура небыстрая: нас должны обмерить и сшить брюки, тужурки, кители, шинели. Это со временем сделает ателье службы тыла. Мы прикрепили звёздочки и молоточки к погонам, крабов на фуражки, погоны к спецпошивам и, надев спецпошивы и фуражки, пошли осматривать посёлок. Теперь мы выглядели морскими офицерами – четыре выпускника технических вузов, распределенные в Научно-Испытательную Часть (НИЧ) Новоземельского полигона.

После посещения АХО офицер проводил нас в НИЧ. Прошли КПП, а затем мыли обувь у двери в штаб части. В штабе опять провели к особистам. Особисты нас инструктировали и повторно взяли с нас расписки о неразглашении места службы, погоды, атмосферных явлений, растительного и животного мира. Опять нам сообщили о наличии запрета на фотографирование и зарисовки, а также объявили о действии на Новой Земле «сухого закона». Нас сфотографировали на удостоверения и на пропуска. Фотографии сделали быстро и тут же изготовили пропуска. Мичман поставил печати в пропусках, мы за них расписались, после чего этот же мичман заверил в книге наши подписи. Его резолюция выглядела так: «Верно и дальше шла его фамилия».

Нам дали адрес для переписки: Архангельск 55, в/ч ЮЯ 77510Д. Сослуживцы потом объяснили, что буквы ЮЯ означают закрытый режим лагерного типа, где просматривается вся переписка специальной службой, и куда не принимаются посылки, кроме книг.

Закончив оформление в части, мы получили приказ отдыхать в гостинице и к восьми утра явиться в свои подразделения. Первым делом было решено осмотреть посёлок. Начали мы с дамбы через озеро. Дамба вела от посёлка к гарнизонному штабу. Дамба – место мало кем посещаемое, решили мы, и осмотр надо начинать именно с неё. Идём по дамбе, руки в карманах, смотрим на воду, на пуночек (полярных воробьёв), на чаек, на окружающую растительность.

Вдруг голос:

– Молодые люди, я чем-то вас обидел?

Смотрим – офицер в чёрной шинели и в фуражке с дубовыми ветками.

– Да нет, – отвечаем, – что вы.

– А я думал, что обидел. Так почему же вы не приветствовали меня?

– Извините. Засмотрелись на природу.

– Понял. Вы – вновь прибывшие и, явно, бывшие гражданские. Так что на будущее: приветствуйте старших по званию, как это положено по Уставу.

Мы ему козырнули, он нам, и разошлись.

К вечеру вернулись в гостиницу. В комнате, куда меня разместили, за столом сидел лейтенант в кителе. Познакомились. Лейтенант и был тем самым Алексеем К., моим соседом, о коем меня предупредили при заселении. Время к ужину. Алексей предложил идти в столовую, так как, по его словам, всех вновь прибывших уже загодя поставили на довольствие. Он это знал по характеру своей службы. Мы отправились в офицерскую столовую, что распола-

гальс у дороги напротив нашей гостиницы. У двери столовой также была в наличии бочка с водой и шваброй. В столовой первый этаж – это буфет и обеденный зал для адмиралов и полковников. Второй этаж – это обеденный зал для всех прочих офицеров.

С Алексеем и проживавшим в первой комнате капитаном, по-моему, из автороты, я соседствовал около двух месяцев. За это время мы привыкли друг к другу. Это были спокойные люди: Алексей часто вечерами где-то пропадал и незаметно возвращался ночью, а капитан появлялся только к ночи и иногда рассказывал мне о своей службе.

Он был участником действий на Кубе и вынес о кубинцах как о воинах негативное представление. По его воспоминаниям кубинцам не было никакого интереса защищать страну от американских интервентов. Он это излагал так:

– Эти бойцы говорили: «Вам, русским, платят „мучо песо“ – вот вы и воюйте».

Лейтенанту вспоминать было нечего кроме училищных анекдотов и случаев тления одежды заснувшего с папирсой соседа. Кроме того, Алексей проводил свободное время в кругу своих сослуживцев и приходил в гостиницу поспать. Мы с ним беседовали мало, но беседы были полезными. Алексей, как-то, поинтересовался, когда меня будут обмундировывать полностью, и дал полезный совет:

– Будешь шить брюки – проси, чтобы кроили, располагая ткань волокнами поперек штанин. В этом случае стрелки будут держаться очень долго, и гладить брюки будешь редко.

Его совет оказался полезным – стрелки на моих брюках держались очень долго, даже при повышенной влажности.

В шкафу для одежды, что стоял в комнате, мы вешали спецпошивы и прочую одежду. В самом низу шкафа я обнаружил магнитофон. Алексей сказал, что магнитофон сломан, и я могу делать с ним, что захочу. Ни схем, ни описаний не было. Лампы стеклянные пальчиковые. Все устройство лампы через стекло колбы хорошо просматривается. Вечерами я стал по монтажу восстанавливать схему магнитофона. Сперва, не имея под рукой справочника, я, рассмотрев устройство ламп сквозь прозрачный баллон, восстановил их цоколёвку, а затем по монтажу нарисовал принципиальную схему самого магнитофона. По воссозданной схеме установил, где какие компоненты должны стоять, и прикинул их номиналы. Заменял повреждённые компоненты. Магнитофонная плёнка на катушке и пустая катушка валялись в шкафу. Запустил. Магнитофон заработал на воспроизведение. По гарнизону пошла молва обо мне как о специалисте в области радиотехники.

Часто вечерами время тратилось на чтение. У Алексея была книжная полка, и с его разрешения я кое-что читал. Сажу, как-то, с ногами на стуле за круглым столом. Читаю. Вваливается в комнату какой-то лейтенант с канистрой и с вопросом:

– Где Лёшка?

Отвечаю:

– Понятия не имею.

– А у меня канистра спирта, – сказал он, с некоторым вызовом.

– Ну, а мне-то какое дело?

Лейтенант что-то буркнул в ответ, резко повернулся и вышел.

НАУЧНО-ИСПЫТАТЕЛЬНАЯ ЧАСТЬ

В/ч 77510Д – это научно-испытательная часть (НИЧ), которая проектирует промышленную площадку, а также подготавливает её к проведению испытаний. НИЧ является ответственным исполнителем испытаний спецоружия. Оружие испытывалось на Новой Земле не возле Белушки, а в другом месте, за 200 – 250 километров от неё там, где расположена так называемая Зона. В Зоне располагаются промышленные площадки, на которых вырубает в скалах штольни для размещения испытываемого изделия и сооружают специальные укрытия для аппаратуры управления изделием, а также устанавливают аппаратуру для регистрации параметров взрыва. На промплощадке НИЧ имеет свои специальные сооружения с автоматикой. На удалении от промплощадки имеется военный посёлок с жилыми помещениями. Там во время подготовки испытаний размещаются офицеры НИЧ и инженеры Министерства среднего машиностроения (МСМ). В этом же поселке были общежития для строителей, шахтёров. Личный состав местного гарнизона размещался в казармах. В Зоне специалистами НИЧ работы проводились, в основном, поздней весной, летом и осенью. Зимой и ранней весной специалисты НИЧ занимались проектными и инженерными работами в теплых каменных корпусах в посёлке Белушья Губа, где воинской части 77510Д отведена огороженная охраняемая территория.

В Белушьей Губе корпуса НИЧ расположены на берегу небольшого залива Гаврилова. Пройти к НИЧ в посёлке было просто: выйдя из гостиницы, нужно было повернуть налево и двигаться вдоль дороги, минуя гражданскую столовую, далее, по-моему, пятиэтажный дом для семей старших офицеров, потом двухэтажное общежитие связистов (справа), дизель-электрическую станцию и вертолётную площадку (слева от дороги), а затем вдоль колючего (из проволоки) забора (справа от дороги) до КПП, который встретится по правую же руку. КПП представлял собой деревянный домик за воротами. Окна домика обращены в сторону ограды и к воротам. От калитки деревянный тротуар, ведущий мимо двери домика. Дверь в домик находилась почти посередине длины тротуара. У двери в домик стоял часовой. На КПП нужно предъявить часовому пропуск, он посмотрит, козырнёт, а далее иди куда знаешь.

Чтобы пройти в штаб НИЧ, нужно после КПП, миновав часового, повернуть налево и идти до предпоследнего двухэтажного каменного корпуса. У входа в корпус также стоит бочка с водой и со стереотипной шваброй для мытья обуви. Если пройти мимо штаба, то встретишь двухэтажный каменный корпус, где размещались первый и второй отделы НИЧ. У двери та же бочка с водой. В момент нашего прибытия в часть возле этого корпуса стояла мачта, высотой метров тридцать – сорок, состыкованная из труб, с антенной, направленного действия, установленной на вершине мачты.

Как располагались отделы внутри корпуса? Поэтажно. Нас, вновь прибывших, поначалу почему-то удивило размещение отделов: на первом этаже корпуса – второй, на втором – первый. Почему так? – никто объяснить не мог, а мы не сочли необходимым углубляться в эту проблему, ибо эту проблему мы придумали сами.

Со мной прибыли на Новую Землю мой сокурсник и два выпускника Куйбышевского политехнического института, Один из них был распределен во второй отдел и остался на первом этаже. Второй, вместе с нами, двумя выпускниками Саратовского Политехнического института, поднялся по лестнице на второй этаж в первый отдел. Лестница на второй этаж выходит так, что можно повернуть и направо и налево. В конце коридора было видно окно, возле которого оборудовано место для курения с железной бочкой.

Сопровождавший офицер привел нас в комнату начальника первой лаборатории. Он представил нас капитану третьего ранга:

– Вот, Анатолий Сергеевич, эти молодые лейтенанты распределены в первую лабораторию.

Затем обратился к нам:

– Представьтесь.

Мы поочередно представились. Сопровождающий ушёл, а начальник лаборатории предложил нам сесть и начал беседу.

Он рассказал о гарнизоне, сообщил, что начальник гарнизона вице-адмирал Евгений Павлович Збрицкий, заслуженный человек, прошедший Великую Отечественную войну, имеет массу наград. Теперь вот руководит крупнейшим в СССР ядерным полигоном. В этом году Збрицкий покинет Новую Землю, а на его место прибудет новый начальник гарнизона. Он также сообщил:

– Начальник нашего отдела капитан первого ранга Гуляев. В этом году, уже скоро, Гуляев покидает Новую Землю, и мы ожидаем назначения нового начальника.

Затем последовал рассказ о нашем первом отделе и его роли в подготовке и проведении испытаний. В беседе особое внимание было обращено на технику безопасности при службе на Новой Земле.

– Я обязан вас проинструктировать по технике безопасности при работе как в самой лаборатории, так и вне неё, на открытом воздухе. Это касается и Белушней Губы и Зоны, где проводятся испытания. Прежде всего, никуда без приказа не лезьте. Кроме радиоактивности вас везде подстерегают шутки местного заполярного климата. Вот вам брошюра. Ознакомьтесь, потом обсудим. Вы не смотрите, что за окном тепло и корпуса НИЧ близко один от другого. Все может измениться в одночасье. Я, например, прибыв впервые на Новую Землю, пострадал от своей опрометчивости. Лето кончалось, и периодически появлялась зимняя погода. Штабной корпус, как вы видели, совсем недалеко от нашего – метров сорок или пятьдесят. Это от двери до двери. Как-то вызывают меня в штаб. Надеваю фуражку и бегу. Близко, но за дверью завьюжило, и уши отморозил, – при этом добавил несколько крепких выражений, вызванных тяжёлыми воспоминаниями, – вот тебе и близко.

– Так что, не ищите лишних проблем для вашего здоровья, а следуйте инструкции по поведению в условиях Заполярья. Кстати. Здесь на Новой Земле для всех срок обязательной службы два года. При этом год службы зачисляется как два. После этого можно переводиться на Большую Землю, но если не хочешь переводиться, то можешь оставаться и служить здесь. К примеру, один из наших офицеров желает перевестись в Горький (Нижний Новгород), а вот другой, подполковник, служит здесь уже семь лет и переводиться не собирается.

С таким предисловием нам были выданы брошюры с инструкциями.

– Товарищ капитан, а чем занимается второй отдел, что на первом этаже? – задал вопрос один из нас.

– Не капитан, а капитан третьего ранга.

– Я думал, что это звание обобщенно можно применять к капитанам любого ранга, – пояснил вопрошавший.

– Нет, – последовало резкое возражение. – Капитан – это звание для сухопутных войск.

– Прошу прощения, товарищ капитан третьего ранга.

– Итак, – продолжил руководитель, – у нас в отделе есть и вторая лаборатория в которой подготавливают к работе автономные источники тока. Их используют для бесперебойного электрического снабжения регистрирующей аппаратуры в специальных сооружениях полигона. В качестве автономных источников электроэнергии применяются катерные аккумуляторы 6СТК-180. Все операции по приведению аккумуляторов в рабочее состояние проводят матросы и мичманы, приписанные ко второй лаборатории.

– Что же касается второго отдела, то там занимаются сейсмическими задачами. Руководит отделом доктор технических наук, полковник Завтраков Александр Иванович. Кстати, он

лауреат Сталинской премии. Завтраков – участник Великой отечественной войны. Но я бы не рекомендовал вам интересоваться делами других подразделений из-за режимности работ. Для вас может это оказаться лишней головной болью. Вы же только что знакомились с особенностями работ в особом отделе и расписывались в документах. Ну, а теперь пойдем посмотрим наши лаборатории и познакомимся с сотрудниками.

Мы начали обход с каптёрки. Мичман-каптенармус был на месте. Он встал и последовал за нами. После каптёрки обошли всю левую, от лестницы, часть этажа: мастерскую, склад и еще какую-то комнату. Затем перешли в правое крыло. Первая справа комната – подобие актового зала. Затем – дверь в проектную комнату. Там за столом сидел офицер в форме капитана третьего ранга.

– Герман Александрович, представляю вам Николая Николаевича. Он будет служить в вашем подчинении. Капитан третьего ранга встал, протянул мне руку и сказал:

– Очень рад. Приходи после ознакомления с отделом. Расскажу, чем будем заниматься.

Мой непосредственный начальник показался мне человеком крепкого телосложения и решительным.

Вышли из комнаты. Справа окно, а возле него место для курения, оборудованное двухсотлитровой бочкой с песком. Курильщиков не было. Открыли расположенную рядом дверь.

– Это наша лаборатория электронно-измерительной техники.

Вошли. Нас встретил другой капитан третьего ранга.

– Здравствуй, Геннадий Васильевич. Вот наши новые офицеры. А это наш старший научный сотрудник, специалист по радиоэлектронике.

Когда я вошёл в лабораторию, то увидел, что в комнате два больших окна. Узкой частью к каждому окну приставлено по большому лабораторному столу. На таких столах может разместиться вся необходимая для работы электронно-измерительная аппаратура. Стена, справа от двери, без окон, хотя в коридоре на этой стене окно имеется. (Планировка этого корпуса чем-то напоминала нашу гостиницу. Наверняка, все двухэтажные здания, независимо от назначения, строились здесь по единому проекту). Стена, что напротив глухой, была загорожена шкафами, в которых хранится аппаратура. Шла приборка, и матросы заматали под эти шкафы мелкий мусор. Это нарушение сразу заметил сопровождавший нас мичман. Он сделал матросам замечание и заставил вытаскивать весь накопившийся мусор из-под шкафов.

Столы были двухтумбовые с большим горизонтальным ящиком под столешницей. Я подумал, что в такой ящик можно поместить тестер, мелкие детали, инструмент, комплектующие и много всякой мелочи. Столешница была большая, и вся необходимая для работы электроизмерительная аппаратура, могла быть свободно размещена на ней.

Как потом выяснилось, летней ночью в окна комнаты заглядывает с северной стороны ходящее по кругу солнце, причем, стоящее достаточно высоко над горизонтом. Зимой кругом тёмная ночь, и освещение везде искусственное, поэтому вести разговор о зимнем положении солнца бессмысленно.

После обхода помещений нас завели в одну из комнат и стали знакомить с оборудованием.

– К сожалению, начальника отдела нет на месте, поэтому давайте я ознакомлю вас с приборами, которые вы должны изучить, – и начальник лаборатории стал нам показывать набор используемого оборудования.

Набор «приборов» был не особенно велик: соединительный ящик – СЯ (произносили как ЭС-Я), щит распределительный – РЩ (ЭР-Ща), щит исполнительных реле – ЩИР. Кроме взрывозащищенного корпуса и клеммных соединителей «прибор» СЯ ничего не содержал. ЩИР также представлял собой взрывозащищенный ящик, но кроме клеммников он уже содержал некоторое количество электромагнитных реле. Распределительный щит РЩ – это почти то же, что СЯ, но больших габаритов. Здесь изучать было нечего и новых знаний при «изучении»

не получишь. Правда, была ещё некоторая надежда в освоении новой транзисторной системы телеметрии «Лира», которая должна была вскоре поступить в распоряжение первого отдела.

Наш куйбышевский товарищ был радиоинженером и должен был обслуживать УКВ радиостанции, а также организовывать радиосвязь на промплощадке. Его непосредственным начальником оказался капитан-лейтенант Вячеслав М. В их распоряжении были радиостанции Р-401 и антенные поля.

После введения в курс дел нашего подразделения я подошёл к своему непосредственному начальнику и доложил:

– Товарищ капитан третьего ранга, я прибыл для получения задания.

В комнате был большой стол, на котором лежал огромный лист миллиметровки.

Герман Александрович начал меня знакомить с работой, какую предстояло выполнять.

– Здесь мы будем заниматься проектированием автоматики опытного поля, а после готовности проекта я поеду в Москву утверждать проект. Затем по этому проекту начнётся монтаж испытательного поля согласно утверждённой документации. Тут и система управления и телеметрия. Вот тебе эскизы. На этой миллиметровке необходимо все соединить так, как указано на этих эскизных листах. Вопросы есть?

Отвечаю:

– Есть. К какому сроку нужно сделать?

– Чем быстрее – тем лучше.

– Ясно!

Он мне:

– Не ясно, а «Есть. Ясно». Так говорят на флоте. Это идёт от английского «Yes. Yes Sir!», вроде бы ещё с Петровских времён.

Я просмотрел все бумаги. Это те самые СЯ, ЩИРы и РЩ. Но с указанными на контактах сигналами. Соединить их и пронумеровать жилы кабелей при известных названиях сигналов на клеммах и при заданном распределении этих ящиков на плоскости – тривиальная задача. К концу недели докладываю о готовности схемы соединений. Удивился скорости исполнения. Проверил. Одобрил и, как я понял, стал готовиться в командировку.

Герман Александрович имел обыкновение разъяснять, как и что будет происходить. Вот и о будущей командировке он немного рассказал.

– Документы, какие мы повезём, – секретные. Потому нас будет двое и с оружием: с пистолетами. До Архангельска, как ты понимаешь, зимой – только самолётом. А там поездом до Москвы. Проезд безденежный, в купе нас будет только двое – это из-за секретности. В Москве нас встретят и спецтранспортом в управление. Кстати, наша часть относится к подразделениям Центрального подчинения.

Спустя некоторое время, видимо из-за появившейся в гарнизоне молве обо мне как о специалисте в области радиотехники, тот старший научный сотрудник, что располагался в лаборатории радиоэлектронных измерений, пригласил меня в свою комнату и завёл разговор о возможных конструкторских разработках в нашей части. Он поинтересовался объёмом моих знаний и предложил заняться творчеством вместе. Я встретил это предложение с энтузиазмом. Мы быстро сошлись взглядами и подружились до такой степени, что перешли на «ты». Он предложил называть меня «Коль Колич», а его звать по имени. Против «Коль Колича» я не возражал. Его же продолжил называть Геннадием Васильевичем. Фактически он стал моим наставником в мире специальной военной техники, посвящая меня в особенности техники ядерных испытаний.

Так как мой наставник жил в той же гостинице, что и я, но в одноместном номере, то в свободное вечернее время, мы имели возможность обсуждать многие отдельные и НИЧевские проблемы.

Человек он был творческий. Его натура не позволяла ограничивать свою деятельность только плановыми задачами отдела, и он отыскивал проблемы, решением которых мог бы принести для НИЧ дополнительную пользу и славу. Ленинградец. В войну его отец-хирург работал в госпитале, где-то под Лугой. Геннадий Васильевич, будучи ещё ребёнком, часто бывал в расположении этой медсанчасти (не исключено, что его родители и проживали на территории госпиталя). По его воспоминаниям в госпитале работали пленные немцы, которые, как оказалось, были мастерами на все руки и учили парня всему, что умели сами. От них он перенял умения портного, скорняка, слесаря, столяра, а также электрика и немного радиотехника. Я так понимаю, что до поступления в военно-морское училище имени Фрунзе он самостоятельно осваивал радио- и электротехнику в объёме, превышающем объём школьного курса физики.

Зимнее время было практически свободным и могло быть использовано для творчества. Офицеры, зачастую, использовали его по своему усмотрению: кто делает стенную газету, кто занимается гравированием, кто повторно ревизует реле и кабели. Кто-то проводил партийную работу с личным составом.

Был интересный случай, связанный с привлечением в КПСС новых членов. Молодой восемнадцатилетний матрос из роты НИЧ, приписанный к нашему отделу, был приглашён для беседы парторгом отдела. Матросу предложили вступить в Коммунистическую партию. Матрос засиял от такой высокой чести, оказываемой ему старшими начальниками. Ему выдали бумагу, и он тут же написал заявление. Однако не всё оказалось так просто. Видимо, вечером в роте матросы-товарищи провели с ним какую-то беседу, и он на следующее утро по прибытии в часть пошёл к парторгу и попросил вернуть ему его заявление. Парторг удивился и стал объяснять матросу, что заявление в партию – это не игрушка. Это дело серьёзное, и уж коли написал заявление, то забирать его обратно никоим образом невозможно. «Иди и обдумай, осознай, что ты уже не ребёнок, а совершенно взрослый человек: ты же преподавал в сельской школе, был наставником, так сказать, молодых умов, поэтому тебе, как никому другому, нужно будет продолжить идеологическую работу с молодёжью, но уже в новом качестве – коммунистом».

Как я уже упоминал, наша часть располагалась в северной части посёлка, минутах в десяти пешего шага от офицерской столовой. По причине близости КПП от мест жительства офицеров мы всегда ходили на службу пешком, в любую погоду. От гостиницы недалеко – метров с тысячу. Тут вообще все рядом. Столовая – напротив гостиницы, ДОФ – чуть подальше. Военторг – рядом. Спортзал с бассейном – тоже близко. Штаб 77510 – метров пятьсот, если через озеро по дамбе. Это рядом. Но можно и объехать озеро по дороге. Это уже существенно дальше. Особенно в плохую погоду.

В 1969 году начальником гарнизона стал контр-адмирал Стешенко Василий Константинович. Адмирал жил в специальной адмиральской гостинице. Адмирал на первых порах тоже ходил пешком в штаб через озеро Шмидта по дамбе, но впоследствии ему доставили на АН-12 из Ленинграда автомобиль «Волга», и он стал ездить в штаб по дороге, огибая озеро.

Если бы от нашей гостиницы провести воображаемую прямую через озеро Шмидта под углом градусов сорок от линии дороги, что ведет в НИЧ, то обязательно можно было бы увидеть на возвышенном месте за озером, за объездной дорогой, памятник В. И. Ленину. Все торжества по поводу военных и советских праздников проводились на площади возле этого памятника. На современных фото, этот памятник стоит возле ДОФа. Как видно из новых фотографий, на указанном мною месте теперь стоит монумент воину-североморцу с автоматом на груди. Видимо, памятник Ленину переставили после раскрытия покушения в 1970 году на целостность монумента со стороны военнослужащих, призванных из союзных республик.

В часть офицеры ходили пешком. Это очень полезно и интересно. Например, весной, идёшь на обед и наблюдаешь рассвет. Идёшь с обеда и наблюдаешь закат. Все это наблюдалось в узком секторе неба над горизонтом. Сейчас это мне кажется восточной стороной, но ведь это явно был юг. С дороги хорошо наблюдались слоистые дымные облака, шлейфом опоясы-

вающие посёлок на горизонте. В городе мы такого не видели и считали, что это чисто Ново-земельский феномен. На самом деле такое же явление иногда наблюдается и вокруг крупных городов. Просто в городе не виден горизонт, и неведение о существовании такого типа дымов было порождено невозможностью наблюдать это явление издали: не виден горизонт – нет восприятия слоистости дымов. Но слоистые дымы просматриваются иногда и южнее полярного круга, если наблюдать город с возвышенного места на удалении в несколько километров.

Если же дул сильный ветер, то при ходьбе нужно было уменьшать динамический напор ветра, для чего корпус разворачивали одним плечом к ветру. Это эффективно: и выдувает меньше тепла, и меньше препятствует движению. В хорошую погоду, была возможность при движении на обед не торопиться, чтобы понаблюдать восход и закат в течение нескольких минут. В начале зимней ночи и в её конце восход – это только прелюдия восхода. Солнца самого не видно, однако расцвеченная заря появляется, но тут же – закат, то есть угасание зари. Наблюдать это явление любопытно.

При ходьбе по скользкой заснеженной тропе мы обнаружили, что для уменьшения скольжения ноги целесообразно ставить на грунт всей стопой сразу, а не на пятку. Такая постановка ноги значительно сокращает вероятность вращения стопы на обледеневшей кочке или ямке, а отсутствие малых радиусов вращения уменьшает величину центробежной силы, стремящейся свалить тело человека. Это было проверено при ходьбе по обледенелой, укатанной колесным транспортом, дороге.

При плохой погоде, когда сухой снег режет лицо с бешеной скоростью, и ветер прерывает дыхание, форма одежды – шуба и шапка. При этом некоторые люди, идущие пешком, прикрывали лицо щитками из оргстекла, удерживая щиток рукой за специальную ручку. На местном жаргоне этот щиток называли «экран». Офицеры нашей части, и я среди них, таким «экраном» не пользовались, но иногда можно было наблюдать жителей Белушки, идущих против ветра с таким экраном в руке перед лицом.

Радиоэлектронная лаборатория

Так как проектная работа мною была выполнена, то я стал «обживать» в радиоэлектронной лаборатории. Выделенный мне стол был вторым от окна, ближе к глухой стене. Я получил бокорезы, паяльник, пассатижи, набор отверток, боцманский нож, тестер ТТ1, пинцет. Осциллограф ЭО-7, звуковой генератор ГЗ-32, генератор стандартных сигналов (ГСС) можно было свободно взять с полки в самой лаборатории и разместить на столе. Был ещё осциллограф ИО-4. Этот двухблочный прибор был на колёсах и его корпус хорошо нагревался во время работы, что позволяло на нём погреться всем телом, если ветер выдувал тепло из комнаты. При необходимости можно было взять во втором отделе пятилучевой осциллограф. Все, что хочешь, тебе дадут – только твори. И всё зимнее время, в том числе и внеслужебное, мы использовали для творчества.

Однажды Геннадий Васильевич говорит мне:

– Послушай, Коль Колич. У нас на полигоне часть оборудования в ходе испытаний запиывается от передвижных электростанций ПЭС-100. Как они себя ведут в момент «Ч» никто не контролирует, а надо бы. Скоро нам обещали прислать новую электростанцию на 3 мегаватта. Она будет с системой телеметрии. Ну а сейчас необходимо работать с теми, что стоят на вооружении. Как ты смотришь на то, чтобы нам к очередным испытаниям разработать и собрать систему контроля напряжения для такой станции. Канал связи сформируем через наши радиостанции Р-401, посадим каждую фазу на свою поднесущую, модуляцию можем сделать частотную, а можем и амплитудную?

– А что, давай возьмёмся. С деталями осложнений не будет?

– Какие осложнения? Сейчас же сходим на склад и узнаем, чем можем располагать. Чего не будет хватать – закажем.

На складе имелись монтажные провода, резисторы, конденсаторы, реле, разъемы и транзисторы. Среди них были даже такие экзотичные как точечные С-4. Это первые отечественные приборы, коэффициент усиления которых едва превышал единицу. Из плоскостных были только П-13 и П-14. Мы принялись за разработку схем сбора и кодирования информации. Разделение каналов решили сделать частотным, и модуляцию также применить частотную. В качестве элемента, изменяющего частоту в зависимости от напряжения, решили использовать индуктивности на пермалловых сердечниках, подмагничиваемых токами, пропорциональными напряжениям соответствующих контролируемых фаз. На приемной стороне полосовыми фильтрами разделяем поканально поднесущие и осуществляем частотное детектирование в каждом канале. Продетектированные сигналы выводим на стрелочные индикаторы.

В складских ведомостях выбор был небольшой: промышленность только осваивала полупроводниковую технологию. В некоторых книжках, популяризирующих научные достижения, даже писали, что транзисторы дальше гражданских игрушек или бытовых радиоприёмников никуда не пойдут. Так как в нашем распоряжении оказались германиевые транзисторы П13 и П14, то на них и решено было выполнять и генераторы, и активные полосовые фильтры. Условия работы были лабораторные, поэтому сложных технических мер для термокомпенсации и стабилизации устройств не требовалось.

В один из рабочих дней Геннадий Васильевич подошёл и говорит:

– Сходи в дальнюю комнату, что позади каптёрки, и посмотри, нет ли там каких-либо нужных нам радиодеталей. В этой комнате матросы разбирают радиолокационную станцию. Эта станция была заказана в своё время и использовалась для определения эквивалента ядерного взрыва по электромагнитному импульсу (ЭМИ) от взрыва, воспринимаемому в атмосфере с помощью РЛС. Во дворе демонтируют списанную антенну. Ну а мы с тобой посмотрим, что

от этой станции можно использовать для нашей РТС-КН. Давай так её назовем «Радиотехническая система контроля напряжения», иными словами – РТС-КН.

С моей стороны возражений не было. На том и решили. Я пошёл смотреть на работу матросов. Их видимо проинструктировали соблюдать какой-то особый режим демонтажа, и они тщательнейшим образом следовали полученной инструкции: всё разбиралось до мельчайших деталей. Панельки радиоламп рассверливали, если они были клепанные, и развинчивали, если были собраны с использованием болтов и гаек. Панельки для лампы ГУ-50 имели фарфоровые основания с отверстиями, куда прикручивались цилиндрические контакты. Это все также развинчивалось. Развинчивались подстроечные конденсаторы с воздушным диэлектриком и раскидывались их пластины. Всё, правда, складывалось в отдельные ящики. На мой вопрос, почему так разбирают, ответ был простой: «Так приказано». Вернулся в нашу лабораторию и докладываю: «Почти все разобрано. Мы можем посмотреть только корпуса для передающего и приемного блоков нашей РТС-КН».

Работы по РТС-КН шли споро. Так как вечера были свободны, то мы часто оставались в части и собирали действующие макеты узлов. Как-то я заметил, что часть транзисторов П13 ведёт себя ненормально: отдельные образцы имеют усиление по току более 100, чего в полученной со склада партии не наблюдалось; другие были пробиты, так как их база одинаково низкоомно прозванивалась и на эмиттер, и на коллектор; третьи вели себя нормально и имели коэффициент около 40. Причина была неясной.

Однажды в морозную ветреную ночь, отойдя от стола, я приблизился к двери из лаборатории и протянул руку к дверной металлической ручке. Тотчас с руки на ручку соскочила фиолетовая искра. Вернулся к столу, достал высоковольтную (на 1000 Вольт) неонку и пошёл к двери. На расстоянии около 10 см от ручки неонка вспыхнула. Стали с моим наставником рассуждать о причинах такой электризации. За окном завывала метель. Северовосточный ветер с Карской стороны бил в угол здания, где как раз и располагалась лаборатория. Ясно, сухой снег тёрся о здание и наэлектризовывал его. Электрический заряд накапливался, внутри помещения на всем оборудовании. Если крыша здания было металлической, то мы находились внутри конденсатора, образуемого крышей и грунтом. Напряжение заряда, видимо, составляло не один десяток тысяч Вольт. Стала понятна причина, почему были повреждены транзисторы. Через пару недель, когда ветер утих, мы проверили транзисторы. Все транзисторы оказались рабочими, только, те, которые были отложены в коробку как пробитые, приобрели большой коэффициент усиления и при испытаниях выдерживали без лавинного пробоя напряжение эмиттер – коллектор сильно отличающееся от паспортных значений. Их всё равно пришлось забраковать.

Вечерние работы в лаборатории практиковали не только мы, но и другие «холостяки», то есть офицеры, проживавшие в гарнизоне без жён. У большинства офицеров семьи проживали в Ленинграде и были хорошо устроены. Ехать в отдалённый закрытый гарнизон не все хотят. Вот так и образуются на Новой Земле «холостяки». Жёнам остается их пасти на удалении. А выпас состоял в том, чтобы вовремя перехватить денежное довольствие мужа. Так вот, жена Геннадия Васильевича, получив от него перевод, через неделю шлёт телеграмму: «Дорогой, вышли рублей сто – очень надо». Ясное дело – боится, что прокутит с сослуживцами в ресторане теплохода «Буковина». Так и у большинства остальных. Но эти временные холостяки не дремлют и занимают у настоящих холостяков до получки, когда появляются у пирса теплоходы «Буковина» или «Татария».

Теплоходы приходят летом и осенью, или один из них стоит на Маточкином Шаре в качестве гостиницы. Трюмы этих круизных теплоходов изобиловали коньяками, винами, водкой и самогоном. В судовом ресторане сначала продают то, что подороже. Затем экспортная водка по 5р20 копеек, а уж потом под видом водки – самопальные напитки, как говорили старожилы –

«Архангельский сучок». Когда нет теплоходов, иногда отмечали дни рождения со спиртом архангельского розлива в бутылках с синей наклейкой.

Офицеры, которые участвовали в воздушных испытаниях, вспоминали, что тогда при демонтаже аппаратуры спирт выдавали в неограниченном количестве. По технике безопасности все приборы было необходимо не просто обтирать, а именно мыть и купать в специальном корыте, заполненном спиртом. Причём, сперва купали в «гидрашке», а затем в ректификате. Это было рассказано сотрудниками первого отдела НИЧ. Что касается других отделов – сказать не могу. Теперь время наступило иное, и способы обработки демонтируемого оборудования стали иными: промывка корпусов теперь не требуется, а отмывание от флюса паяк по утверждённым в ту пору нормам оговаривало 1 миллилитр на одно паяное соединение.

Вечерами мы работали в лаборатории над нашей РТС-КН. Некоторые мичманы сверхсрочной службы также оставались в своих подразделениях для подготовки работ матросам на следующий день. Командование НИЧ иногда лично проверяло, что творится в части после восемнадцати часов. Особенно часто мы видели замкомандира части полковника Пучкова Аркадия Александровича. Однажды его посещение совпало с промывкой нами паяных соединений в блоках РТС-КН. Не исключено, что он вошёл в лабораторию почуяв запах этилового спирта. После нашего приветствия и доклада Геннадия Васильевича о характере работ, Пучков задал вопрос:

- Ваша работа с промывкой не кружит ли вам головы?
- Никак нет, Аркадий Александрович, – отвечал капитан третьего ранга, – это при воздушных спирт лился рекой и можно было охмелеть. Сейчас лишь один миллилитр на контакт.
- Что ж, успокоил, – заметил ему Пучков и вышел из лаборатории.
- Отличный специалист и человек Аркадий Александрович, – отметил мой коллега и погрузился в работу.

Должности в части были высокие. Инженер-испытатель – эта должность соответствовала званию капитана третьего ранга. На эту должность были приняты и мы, вновь прибывшие лейтенанты. Что это давало нам? Это давало возможность при безукоризненной службе через определённое время получать очередное звание от старшего лейтенанта до майора (звания для нас общевойсковые, так как мы не плавсостав и не имели морского образования). Но это также требовало от нас исполнения обязанностей, которые обычно исполняют старшие офицеры, например, дежурство по гарнизону. Этой нашей привилегией старшие офицеры часто пользовались, отлынивая от дежурств по гарнизону, ссылаясь на занятость работами в подготовке испытаний, понимая, что вместо них начальник пошлёт дежурить кого-нибудь из лейтенантов.

Время шло, и через пару месяцев мне в отделе приказали переселиться на второй этаж в комнату 9 к офицерам нашего отдела.

Я начал возражать, мол, мне и здесь хорошо, но приказ был обоснован особым режимом нашей части, что запрещало жить в одной комнате с офицерами из других частей.

Я переселился на второй этаж этой же гостиницы. Моими соседями теперь стали капитан 3 ранга Владимир Владимирович Я. и капитан-лейтенант Григорий Петрович С.

ЗОНА

Новоземельская весна, наступила в конце июня. Мы на транспортном вертолете летим в Зону. Тяжёлый вертолёт летел над морем вдоль берега. Группа офицеров и матросов (пассажиры) находилась в грузовом отсеке. Гул двух турбин был неимоверный. Но всё это было в диковинку и вызывало большой интерес. Полет был подобием каботажного плавания судов, только для воздушного корабля. Иными словами, каботажный полет. Местность была поначалу равнинная. Болтанки не было. Не чувствовалось и воздушных ям. Только шум бил по ушам и отдавался в голове. Вертолёт летел на высоте около ста метров. Пассажиров образовалось много. В основном – все люди бывалые. Морем идти не хотели: долго и болтает, а вертолётom быстро и никакой качки. Пассажиры сидели на металлических сиденьях вдоль бортов. В центре был закреплён груз. Груз был объёмный, из множества крупногабаритных ящиков и огромных катушек с кабелем. Через иллюминаторы можно было наблюдать рельеф местности. Равнинный берег постепенно перешёл в холмистый, а затем появились горы.

Примерно через час полёта берег стал обрывистым, и появилось плоскогорье. Стали видны орудия береговой охраны. Это мыс Столбовой. Здесь артиллеристы охраняют вход в пролив. Море стало, как бы, сужаться, превращаясь в подобие широкой реки, уходящей вглубь горного массива. Казалось, что это залив. Когда вертолёт изменил курс, и направился в глубину острова вдоль залива, стало понятно, что мы над Маточкиным Шаром. Вертолёт шёл на малой высоте над водной гладью. Теперь он держался почти в середине каньона, образованного разновысокими горами. Вот справа по курсу стала просматриваться дельтаобразная отмель. Это выносы грунта какой-то рекой, вытекавшей из довольно плоской прибрежной долины. С левого борта берег был более крутой, но с него также стекала река, создававшая отмель у левого берега. Реки отстояли одна от другой вдоль пролива на некотором расстоянии, и это искривляло фарватер: образованные их выносами отмели как раскрытые челюсти, сдвинутые одна вперёд, а другая назад, требовали хорошего знания лоции при проведении морских судов в этой акватории. Чтобы здесь не посадить судно на мель, надо, видимо, каждый год корректировать карту дна, так как каждую весну реки выносят новые порции камней в пролив.

На левом берегу можно было заметить какое-то сооружение. Оно напоминало деревянную избушку. Или барак. Кто-то из пассажиров сказал, что это бывшая фактория. На правом берегу, впереди, был виден крупный посёлок.

Вертолёт перемещался достаточно быстро, и наблюдать за происходившим сразу по левому и правому бортам было невозможно. С лёгким креном начался поворот вправо к группе зданий, обосновавшихся на некотором удалении от уреза воды. Вот показалась взлётно-посадочная полоса, вымощенная металлическими щитами. Вертолёт начал снижаться и, по-самолётному, коснувшись колёсами грунта, побежал, тормозя и вздрагивая на отверстиях в металлических щитах взлётно-посадочной полосы.

Вой турбин прекратился. Вертолёт перестал двигаться. Откинулась задняя аппарель. Пора выходить. Двигатели уже не работают, но их шум в голове продолжается. Обшивка корпуса – дюраль. Видимо не толще одного миллиметра, а турбины – вот, над головой. Это же грузовой, тяжёлый МИ-6. Вышли. Некто дал команду идти к автомобилю ГАЗ-66, который стоял на дороге у конца ВПП. Погрузились и поехали в посёлок, в гостиницу.

Водитель лихо погнал машину по грунтовке, но пыли не было. Была грязь на дороге с твёрдым покрытием. Покрытие, как оказалось, это естественный шиферный сланец, который вывозился из штолен. Вдоль дороги местность заболоченная, но каменистая. Видимо отсыпка дороги позволила устранить неровности грунта, но давленный сланец в смеси с водой породил грязь.

Грузовичок остановился напротив сооружения барачного типа. Это и была гостиница. К ней вёл деревянный тротуар. Гостиница представляла собой казарму в виде длинного одноэтажного барака с входом в его середине. У двери бочка с водой и шваброй. Вымыли обувь. Вошли. Мы оказались в большом холле. Налево и направо от входа – длинные коридоры. Нам налево. Направо располагаются комнаты работников министерства среднего машиностроения (МСМ). Пошли налево. По коридору слева и справа двери с номерами. Прямо-таки как в Белушке. Если идти в конец коридора, то упираешься в двери умывальной комнаты и туалета. Такая же планировка и на второй половине гостиницы у эмэсэмовцев, только с зеркальным, по отношению к нашей, расположением вспомогательных помещений. Мы остановились у двери в комнату номер 9, что с правой стороны. Вошли. В центре комнаты стол, четыре кровати. На табуретках сидят четыре офицера из нашей части. Мне показали, какая кровать свободная. К одной из прикроватных тумбочек был прислонён автомат АК-47. В окно можно было видеть слякотную дорогу, по которой, разбрызгивая гусеницами грязь, перемещался гусеничный тягач – ГТС. Шум вертолётных турбин не в ушах, а в голове, не прекращался. Открылась дверь, и в лётном спецпошиве с меховым воротником вошёл Герман Александрович. Поздоровался. Поинтересовался:

– Как долетели? А мы, вот, собрались на рыбалку в Карскую сторону. Есть катер. Автомат – от медведя. Хочешь с нами – пожалуйста.

Я отказался.

– Ну не хочешь – как хочешь. Отдыхай.

Взял рюкзак, автомат и вышел.

Отдохнув, я пошёл осмотреть окрестности. Дорога грязная, а от неё в сторону горы виднеется какая-то трава и мхи. Я решил подняться повыше на склон, надеясь, что там будет суше. Однако я ошибся. Вечная мерзлота образовывала в любой ямке ледяные чаши, в которых стояла вода. Моховые кочки скрывали воду и обманчиво заманивали встать на них. Я был в ботинках и быстро сообразил, что поход в гору ничего хорошего, кроме промокшей обуви, не даст. Пришлось побродить по деревянным тротуарам и вернуться в гостиницу.

На следующий день должно было быть ознакомление с объектом обслуживания. В семь часов наши офицеры уже на ногах. Туалет. Умылись. Столовая расположена ближе к проливу. Идём по деревянному тротуару. Завтрак без каких-либо проблем. После завтрака ожидание транспорта. К столовой подкатил ГАЗ-66. Забрались с заднего борта в кузов. Лавки поперек кузова. Расселись. Опустили брезентовый полог. Зарычал двигатель.

Водитель стартовал лихо. Автомобиль помчался параллельно берегу моря в Карскую сторону. Дорога была ровная, но пыльная: грунт, как я уже говорил, представлял из себя шиферный сланец, который легко дробился как гусеницами, так и шинами автомобилей. Теперь грунт оказался сухим: ночью подморозило. Автомобилей оказалось достаточно много. Некоторые вывозили грунт, другие – оборудование от пирса до объектов. Ранее, видимо, перевозились строительные материалы и кабели. Я думаю, размалывание грунта до пылевого состояния стало происходить сразу же в начале строительства полигона. Первоначально дороги, видимо, были отсыпаны и выровнены бульдозерами и скреперами, но малая прочность сланца, вода и резкие колебания температуры быстро превратили покрытие в пыль и грязь.

Дорога шла почти параллельно проливу. Кромка воды была слева от дороги, и дорога то приближалась к морю, то уходила правее, ближе к горам, поднимавшимся достаточно круто вверх. Наблюдать из кузова грузовика было трудно: только по три узких застеклённых овальных оконца было прикреплено вдоль каждого борта к брезентовому покрытию кузова. Полог в задней части был без окошка. Чтобы защитить пассажиров от проникновения под тент пыли, полог крепился к заднему борту в нижней части ремешками. Ехали – ехали и вдруг рокот двигателя прекратился. Грузовик встал. Полог кто-то отстегнул и скомандовал:

– Все на выход, – перед въездом на промплощадку проверка пропусков и личностей. Поворчав, начали выгружаться. Перед автомобилем закрытый шлагбаум перегораживал дорогу. Двое матросов с автоматами стояли у шлагбаума. Третий требовал предъявления пропусков. Только что проверенные могли загружаться в кузов. Наконец, проверка завершилась, все загрузились, шлагбаум подняли, и грузовик, зарычав, устремился вперёд.

Водитель видимо хотел показать все качества автомобиля как бегуна и прыгуна, потому использовал каждую неровность дороги в качестве трамплина, и пассажиры внезапно зависали на короткое время над скамьями, изрекая при этом серию малоприличных слов в адрес шофёра.

Опять остановка. Небольшая группа людей с погонями и гражданских выгрузилась, спрыгивая с заднего борта. Это так называемое ЦСА – центральное сооружение автоматики. Его начальник – подполковник нашего отдела О. Из этого сооружения по кабелям разбегаются сигналы команд управления изделиями. Сюда сбегаются сигналы от датчиков телеметрии. Отсюда сигналы телеметрии ретранслируются по радиоканалам на центральный пункт управления для отображения как состояния самого изделия, так и сигналов, от всевозможных датчиков – сейсмических, ионизирующих излучений, электромагнитных импульсов. При испытаниях необходимо знать о состоянии грунта, о его колебаниях, о степени ионизации воздуха в зоне размещения изделия, о мощности электромагнитных волн. С основного пункта управления в ЦСА по радио передаются команды управления всеми исполнительными элементами изделия и контролирующей аппаратуры.

Вновь зарычал двигатель, и оставшаяся в кузове часть специалистов продолжила движение с теми же перегрузками, что были ранее. Стиль вождения не изменился. Теперь с освоением мест возле окошек можно было поподробнее рассмотреть окружающую местность. Наиболее интересные объекты располагались возле моря. Видно, что пролив достаточно широк (старожилы говорили, что его ширина здесь километра два). На противоположном берегу заметны небольшие полярные домики. Заметно, что для связи с личным составом, размещённым на этих объектах, используется радио: можно различить поднятые на штангах антенны УКВ радиостанций. Противоположный берег выглядит достаточно крутым. Сравнивая его высоту с высотой домика, легко можно определить, что в высоте обрыва может уложиться восемь-десять высот домика. На заднем плане видны горы. Наш берег, в месте, где бежит дорога, пологий, с небольшим уклоном, с большими валунами, между которыми слабо плещется волна, да бегают кулики и чайки.

Вот и конечный пункт промплощадки. Кольцо. Разворот дороги по петле в обратную сторону. У подножья гор притаились два сооружения – металлический длинный ангар, прижавшийся к земле, и выше, ближе к горе, деревянный домик, горделиво выделяющийся желтыми досками на фоне светло-серых скал. Это МС и ДС – металлическое сооружение и деревянное сооружение. Первое является сосредоточием регистрирующей аппаратуры. Второе содержит источники автономного питания аппаратуры и исполнительные реле. ДС – это сооружение, которым командует Герман Александрович, а следовательно и я. Начальник МС – кто-то из наших офицеров, и, возможно, какой-то специалист из МСМ.

Вокруг этих сооружений с двух сторон горы. Скалы почти отвесно вздымаются вверх. На высоте метров сто почти над домиком ДС огромный камень выступает наружу не менее чем на три десятка метров.

– А эта глыба не свалится при взрыве? – спросил я своего начальника.

– Всякое бывает. Но здесь порода крепкая. Как ты думаешь, сколько времени этот утес мог бы падать?

– На мой взгляд, здесь до этого выступа метров сто. С такой высоты, как нас учит физика, камень может падать 4—5 секунд. Интересно, создаст ли эта глыба, если упадет, сейсмические помехи регистраторам ударной волны, бегущей в грунте? – заинтересовался я.

– Я полагаю, что помеха от такого падения ничтожна в сравнении с ударом от взрыва, – отвечал мой собеседник.

– Кроме того спектр от удара такой глыбы будет более насыщен высокими частотами по сравнению с ударной волной от самого взрыва.

(Замечу сразу: после взрыва эта скала осталась на своем месте.)

– Пойдём, посмотрим, что там в нашем ДС. Вот тебе ключи от сооружения. Отпирай. У нас сегодня аккумуляторы и мотор-генератор обслуживают два матроса. Скоро их подвезут.

– Эмэсэмовцы сейчас отлаживают свою аппаратуру и будут просить выдать с пульта нужные им сигналы, так что взаимодействуйте без сбоев. Можете заряжать комплект батарей аварийного энергообеспечения. Энергию берём от ДЭС. Слышишь дизель работает. Это дизельная электростанция ДЭС-100. Её три фазы крутят наш мотор-генератор, и его 24 Вольты идут на зарядку батарей катерных аккумуляторов 6СТК-180.

Проинструктивовав меня, он ушёл, но через некоторое время появился вновь.

– Ну как, все осмотрел?

– Так точно.

– Давай побеседуем ещё. Время у нас есть. Раз ты попал в наш отдел, то расскажу тебе о структуре системы управления изделием и телеметрии. Во-первых, мы как бы мозг полигона. За нами вся автоматика поля. Вон за Шумилихой видишь на бугре группу зданий. Вот. Это так называемая – «Высота». Это место, возвышается на 132 метра над уровнем моря. На этой «Высоте» располагается ЦСУ – центральное сооружение управления. Начальник ЦСУ подполковник В. Он тоже офицер нашего отдела. Служит на Новой Земле уже семь лет. Будешь с ним разговаривать, обрати внимание на его зубы. Когда он говорит, его зубы качаются. Он обычно в приватной беседе весело отмечает: «на зубы я себе заработал».

– На ЦСУ размещены все устройства управления и контроля за изделием. Там управляющий изделием программный автомат, радиостанции для передачи на объект управляющих сигналов, радиостанции для приёма сигналов телесигнализации. Визуально телеметрия отображается на специальных панелях, укреплённых на стенах внутри здания. Сигналы из ЦСУ бегут по радио к радиостанциям ЦСА – центрального сооружения автоматики. Из ЦСА дешифрованные сигналы уходят по кабелям в штольню к испытуемому изделию и запускают его автоматику. Отдельная группа сигналов запускает регистрирующую аппаратуру, установленную в МС. Предварительное включение и подача питания на всю аппаратуру в МС, происходит от аккумуляторов, что находятся в нашем ДС. При срабатывании изделия, возникающие электромагнитные излучения, а также вибрации грунта преобразуются датчиками в соответствующие сигналы, кратковременно отображаемые на экранах электронных осциллографов. Как ты понимаешь, электромагнитные сигналы длятся микро- и наносекунды, поэтому не могут быть переданы по радиоканалу с ограниченной полосой пропускания. Проблема решается фотографированием экранов скоростных осциллографов специальными фотоаппаратами. Развертка осциллографов ждущая и запускается самим сигналом. Сигнал для регистрации задерживается специальными линиями задержки. Для уменьшения искажения импульсных сигналов линии задержки выполнены на коаксиальных кабелях. Датчики соединены с осциллографами высокочастотными кабелями. Некоторые кабели обычные коаксиальные, подобные тем, что используются для телевизионных антенн. Другие кабели дорогие. Они бронированные. Их центральная жила поддерживается полистироловыми шариками. Внутренняя оплетка и центральная жила позолочены. Такие кабели – до тысячи рублей за метр. Их покупают за границей. Кабель – это трубка большой длины. Кабели уходят в штольню. А что будет в штольне при срабатывании изделия? Правильно. Ионизированный газ под высоким давлением. Этот газ по кабелям начнёт с некоторой скоростью натекать в сооружение с регистрирующей аппаратурой. А там фотоаппараты с фотопленкой. Где будет зарегистрированная осциллографическая информация? А нигде, так как вся пленка засветится или, в лучшем случае, сильно завуалируется. Чтобы

избежать этого, нужно успеть снять кассеты с фоторегистраторов до проникновения в сооружение ионизированных газов. Это осуществляет группа бойцов, забрасываемых на гусеничных тягачах к соответствующим сооружениям сразу после взрыва. Все бойцы одеты на всякий случай в костюмы химической защиты и противогазы. Такая группа называется «Первый бросок». Снятые «Первым броском» кассеты вертолётom доставляют в Белушку для проявления плёнок. Вот так функционирует полигон в ходе испытаний.

– А как и где размещается само изделие?

– Ну, это тоже несложно. Что есть штольня? Это пробитый в скале тоннель длиной от одного и более километров. Все зависит от грунта и мощности изделия. Расскажу немного из истории. Первое подземное испытание было немного комом. Не контролировали форму штольни. Она оказалась в виде узкой воронки, обращенной широкой частью наружу. Установили изделие. Забетонировали. Забили грунтом. Дали подрыв. А из штольни, как из пушки, весь грунт выстрелился наружу. Теперь специально в проекте закладывают изготовление штольни в виде воронки, но узкой частью наружу. Для её самоуплотнения. Вот так.

Далее беседа продолжилась.

– Любое новое дело сопряжено с устранением некоторых недоработок конструкторов. Иногда возникают проблемы из-за творческого зуда людей, поставленных для использования новой техники. Вот был момент, когда катера стали вооружать ракетами. Пусковые установки размещали в носовой части катера. Ракета имела несколько степеней защиты от самопроизвольного взрыва. Во-первых, чека у взрывателя. Во-вторых, таймер задержки срабатывания взрывателя при выдернутой чеке. В-третьих, крыльчатка, раскручивание которой свидетельствует о полете ракеты. При этом кольцо чеки привязано к тросу, второй конец которого крепится к кольцу на корпусе катера. Катер вышел в море, пришёл в заданные координаты. Выдали приказ к боевому пуску одной ракеты. Произвели пуск. Ракета ушла, а через некоторое время в носовой части катера прогремел взрыв. Стали выяснять причины. Оказалось, что мичман, обслуживавший ракеты, внедрил самовольно рацпредложение: для экономии тросов он взял один, протянул его через кольцо на корпусе катера и привязал один свободный конец к чеке первой ракеты, а второй конец к чеке второй. Первая ракета ушла, но чека выдернулась у второй ракеты. Трос улетел с первой ракетой. Газы первой ракеты раскрутили крыльчатку второй, потом запустился таймер, и через заданное время активировался взрыватель ракеты, оставшейся на палубе. Вот к чему порой ведут рацпредложения, не прошедшие обсуждения специалистами.

Поговорив со мной, он ушёл в МС, а я продолжил осматривать аппаратуру, закреплённую по стенам ДС и систему энергообеспечения. Вскоре появились матросы, и начался процесс зарядки аккумуляторов, а также выдача сигналов на включение аппаратуры в металлическом сооружении.

Подшло время обеда. Прибыл Газ-66. Выключили аппаратуру, заперли сооружение, погрузились в кузов, и автомобиль запыхтел по дороге.

Спустя несколько дней в Зону пришел дизель-электроход ОС-30 и ошвартовался у пирса. Командование решило улучшить бытовые условия офицеров и переселить нас из береговой гостиницы казарменного типа в каюты ОС-30. Меня и лейтенанта Анатолия К. поместили в двухместный кубрик. Жизнь на борту ОС-30, по сравнению с береговой, улучшилась только с точки зрения наличия чистой воды и, может быть, более вкусного питания. (На берегу вода бралась из озёрца на горе, причём, в воде была взвесь микропылевых частиц шиферного сланца. Это делало постельное бельё после стирки серым, а чай и суп менее вкусными, хотя при кипячении воды вся муть оседает на дно). На корабле, в отличие от береговой столовой, появилась жареная треска и балык из палтуса. Минус состоял в том, что на стальном корпусе корабля были укреплены колокола громкого боя, грохот которых и днём и ночью предупреждал команду о необходимости выполнить те или иные действия: «команде руки мыть», «команде

чай пить», «смена вахты» и т. п. Причём, после сигнала колокола по громкоговорящей выдавалась голосом сама команда. Ночью это тотчас пробуждало, но в этом, видимо, была гарантия безопасности корабля, а для нас, офицеров береговой службы, был элемент знакомства со службой плавсостава ВМФ.

В один из дней пребывания на ОС-30 мы поднялись на борт для обеда. Обедать на корабле офицеры ходили в кают-компанию, где рассаживались за длинным столом, который возглавлял командир корабля. Обслуживали обед матросы, доставлявшие пищу в больших никелированных кастрюлях и на специальных подносах, а офицеры обслуживали затем себя сами, используя раздаточные ложки.

Поднявшись по трапу на палубу, мы с моим соседом прошли в отведённый нам кубрик, сняли спецпошивы, вымыли руки и пошли в кают-компанию. Кубрик не запирался. Возвратившись, я обнаружил пропажу моего спецпошива, в кармане которого были ключи от ДС. Поискал, но нигде в кубрике спецпошив не обнаружил. Обратился к кому-то из корабельных офицеров. Тот порекомендовал побеседовать с матросами ОС-30, занимавшими соседний кубрик. Поговорил, объяснил, что в спецпошиве ключи от режимного сооружения, спросил, куда мог задеваться спецпошив. Просил поузнавать у других матросов, не видели ли они чего-либо. Гарантировал отсутствие преследований. Матросы этого кубрика просили подождать и куда-то удалились. Через некоторое время они появились в сопровождении нескольких других матросов. Один из вновь пришедших подошёл к кожуху, закрывающему вертикальный трубопровод, открыл вертикальную дверцу и вытащил из-за идущей снизу вверх трубы мой спецпошив. Я проверил карманы – ключи были на месте. Показал все ключи – инцидент исчерпался. Почему украли именно мой спецпошив? Да, я думаю, что меня поселили в матросский кубрик, а матроса переселили в другое место. Он обиделся и в отместку стянул мой спецпошив.

Мне позже объяснили, что воровство присутствует на флоте, так как призыву подлежали не только законопослушные граждане, но и отбывшие сроки наказания. Я в этом убедился по матросскому фольклору, в котором присутствовали блатные песни и песни, сочинённые местными поэтами-матросами из числа граждан, ранее ограниченных в правах на определённое судом время.

Наше пребывание на борту корабля длилось недолго: недели две. Разгрузившись, ОС-30 ушёл в Белушку, а мы заняли свои места в береговой гостинице, в которой до этого проживали без всяких приключений.

Деревянное сооружение

Итак, в Зоне я должен был осуществлять руководство работой матросов по техническому обслуживанию аккумуляторных батарей катерных аккумуляторов 6СТК-180, мотор-генераторов, щитов исполнительных реле и обеспечивать взаимодействие с наладчиками аппаратуры в МС. Аккумуляторные батареи обеспечивали электроэнергией всю регистрирующую аппаратуру в МС; исполнительные реле включали и выключали эту аппаратуру, а также имитировали некоторые сигналы в режимах отладки этой аппаратуры; мотор-генераторы преобразовывали трехфазное напряжение 220/380 Вольт переменного тока в постоянное напряжение 24 Вольта, которым заряжались аккумуляторные батареи. Для связи с руководством, с Центральным Сооружением Автоматики и с МС использовались полевые телефоны, которые были соединены с соответствующими пунктами по выделенным линиям из пар скрученных проводов П-272, проложенных на поверхности тундры с опорой на специальные деревянные козлы. Телефонов в ДС было три. Сразу же выявилась организационная проблема: когда звонит один из трёх телефонов невозможно сразу взять тот, по которому пришёл запрос. Звонок звякнул и замолчал. На стадии отладки комплекса все заняты работами в отдалении от телефонов. Услышав звонок, матрос или офицер спешит к аппарату, но вызов к этому моменту уже прекращается, и нужно перебирать все трубки по очереди, чтобы попасть на нужного абонента. А абонент ждёт и нервничает. Так как все заняты своей конкретной работой, которую каждый считает самой нужной, то обстановка становится скандально-нервной. Здесь появилось мое рацпредложение. Звонок в полевом телефоне работает от напряжения, формируемого при вращении ручки специального генератора переменного тока. Напряжение генератора зависит от скорости вращения ручки и может достигать в амплитуде 100 Вольт. Я поступил просто: взял полупроводниковый диод, конденсатор, резистор и неоновую лампу. При наличии запроса по какой-то из линий конденсатор заряжается выпрямленным током до соответствующего напряжения и неоновая лампа, на соответствующем аппарате начинает светиться. Время свечения лампы после исчезновения напряжения вызывающего сигнала в линии определяется величиной ёмкости конденсатора и значением сопротивления балластного резистора в цепи неоновой лампы. Яркость свечения лампы также зависит от величины сопротивления резистора. Эту рационализацию оценили и матросы и офицеры.

Я стал расспрашивать матросов о существующих проблемах. Проблема была с мотор-генератором, который использовался для зарядки аккумуляторных батарей. Разобрались, что к чему, добились его устойчивой работы. Одновременно по требованиям инженеров из МС мы ретранслировали сигналы включения и выключения их регистрирующей аппаратуры – так имитировалась выдача управляющих сигналов из центрального сооружения автоматики (ЦСА). Рабочий день приближался к концу. Я вышел на крыльцо, стал разглядывать горы, рассмотрел пролив, поглядел на дорогу.

Вскоре подошёл Герман Александрович, бросил взгляд на гору и возмущенно проговорил:

– Вот сукины дети! Ну, я им покажу.

– Что такое? – спрашиваю.

– Да ты вон посмотри, – и указывает на середину горы. – Опять в посёлок пошли по горам.

А я их предупреждал. Не могут понять того, что там на склонах очень неустойчивая поверхность. Каменные осыпи лежат на ледяной подстилке. В любой момент может быть оползень или камнепад. В лучшем случае искалечит, а то и того хуже... А ведь я их неоднократно предупреждал.

– Где это? – опять поинтересовался я.

– Да вон, смотри на середину горы. Вон перед тем овальным рывим валуном.

Я присмотрелся и увидел едва заметную тёмную фигурку, перемещающуюся поперек склона. Намётанный глаз у начальника. Хотя тут удивляться было нечему, ведь он был охотником. Я удивился его зоркостью. Посмотрев некоторое время на карабкающегося по горе матроса, мы направились к кольцу дороги, на которой уже стоял ГАЗ-66.

К автомобилю подходили офицеры, работавшие в металлическом сооружении. Через некоторое время мы уже подпрыгивали на трамплинах, которые водитель грузовика постоянно выискивал на дороге.

После обеда я отправился вдоль пролива на промплощадку пешком, а остальные – на часовой послеобеденный отдых.

Сооружения были оборудованы всем необходимым. В них уже работал личный состав части. Матросы, расписанные в другие отделы, работали со своими офицерами в МС с электронной аппаратурой. Два матроса нашего отдела работали в ДС, обеспечивая зарядку аккумуляторных батарей и выдачу разовых сигналов в МС. Наши матросы активно взаимодействовали с инженерами МСМ, работавшими с аппаратурой в своём сооружении. Работы по отладке аппаратуры часто требовали больше времени, чем предусмотрено восьмью часами рабочего дня, поэтому матросы часто задерживались вечером, заряжая аккумуляторы, энергию из которых отобрали днём. Порой они самостоятельно готовили себе ужин, используя «электроплиту», изготовленную из киловаттного ТЭНа, укреплённого на асбоцементной плите, которая служила основанием этого нагревателя. К основанию ТЭН крепился с помощью четырёх стальных полос. Это поднимало его над полом сантиметров на пятьдесят. От стен нагреватель также был отдалён, так как размещался в середине комнаты. При этом асбоцементная плита лежала на полу и придавала всей конструкции хорошую устойчивость: на нем можно было разместить даже большую кастрюлю. Казалось, все элементы необходимой безопасности соблюдены. При похолодании нагреватель использовался как отопитель помещения ДС, а в случае необходимости разогрева пищи его использовали в качестве кухонной плиты.

В один из рабочих дней, когда за дверью сыпал лёгкий снежок, матросы включили нагреватель и выполняли предусмотренную расписанием работу в других комнатах. Вдруг дверь нашего сооружения отворилась, и в помещение вошёл полковник Пучков. На нём была запыленная снежком уставная шинель (30 сантиметров от полу) и фуражка. Видно было, что тепло в нашем сооружении полковнику по душе. Я представился и приветствовал полковника правой рукой, поднесённой к козырьку фуражки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.